UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00322864 0

Briusov, Valerii IAkovlevich
Chefs d'oeuvre

PG
3453
B7C5
1896

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY

WILLIAM H. DONNER
COLLECTION

purchased from
a gift by

THE DONNER CANADIAN
FOUNDATION

Валерій Брюсовъ.

CHEFS D'OEUVRE.

Второе изданіе съ измѣненіями и дополненіями.

Завѣщаю эту книгу
вѣчности и искусству.

(Изъ предисл. къ 1 изд.).

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа,
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1896.

Дозволено цензурою. Москва, 6-го января 1896 г.

PG
3453
B7C5
1896

ПРЕДИСЛОВІЕ
КО 2 ИЗД.

Завѣщаю эту книгу
вѣчности и искусству.

(Изъ предисл. къ 1 изд.)

Ты имъ доволенъ ли взыскательный художникъ?

Составляя первое изданіе этой книги, я имѣлъ цѣлью дать сборникъ своихъ несимволическихъ стихотвореній, вѣрнѣе такихъ, которыя я не могу назвать вполнѣ символическими. То же направленіе выдержано и во второмъ изданіи.

Не всѣ изъ вновь добавленныхъ стихотвореній написаны *послѣ* перваго изданія Chefs d'oeuvre; нѣкоторыя принадлежатъ къ числу отвергнутыхъ прежде, потому что было время когда я не хотѣлъ издавать произведенія, въ которыхъ самъ видѣлъ недостатки; тогда я еще смутно надѣялся, что мои стихи найдутъ себѣ истинныхъ читателей. Такой надежды болѣе у меня нѣтъ совершенно. И критика, и публика, и тѣ лица, мнѣніями которыхъ я

дорожилъ, и тѣ, которыхъ въ правѣ считать поклонниками моей поэзіи — выказали такое грубое непониманіе ея, что я теперь только смѣюсь надъ ихъ сужденіями. Теперь я не нахожу нужнымъ изъ-за второстепенныхъ недостатковъ скрывать произведенія, въ которыхъ есть замѣчательныя частности, тѣмъ болѣе, что они и по духу и по стилю вполнѣ принадлежатъ Chefs d'oeuvre. Пусть же въ полномъ составѣ звучитъ тотъ хоръ, голосъ котораго уносится въ далекое будущее.

Въ своемъ настоящемъ видѣ моя книга кажется мнѣ вполнѣ законченной, и я спокойнѣе чѣмъ когда-либо завѣщаю ее вѣчности, потому что поэтическое произведеніе не можетъ умереть. Все на землѣ преходяще кромѣ созданій искусства.

Валерій Брюсовъ.

24 декабря 1895 г.
Ночь.

КРИПТОМЕРІИ.

I. МОЯ МЕЧТА.

Она живетъ въ безлюдіи пустынь,
Она въ горахъ блуждаетъ вольной серной,
Ей чуждъ покой накормленныхъ рабынь,
Ей скученъ путь проложенный и мѣрный,
Но, встрѣтивъ Холмъ Покинутыхъ Святынь,
Она дрожитъ въ тревогѣ суевѣрной,
Стоитъ, глядитъ, не шелохнетъ травой
И прочь идетъ съ поникшей головой.

1895.

2. НА ЖУРЧАЩЕЙ ГОДАВЕРИ.

Изумрудный листъ банана,
На журчащей Годавери
Завтра утромъ — рано, рано —
Помоги горячей вѣрѣ!

Орхидеи и мимозы
Унося по тихимъ волнамъ,
Успокой больныя грезы,
Сохрани вѣнокъ мой полнымъ.

И когда въ дали тумана
Потеряю я изъ виду
Изумрудный листъ банана,
Я молиться въ поле выду;

И тебѣ, богиня Кали,
Принесу мои запястья,
Пѣсню тайны и печали
Замѣню напѣвомъ счастья.

Если жъ ты, мой листъ банана,
Опрокинешь эту ношу,
Завтра утромъ — рано, рано —
Амулеты всѣ я сброшу.

Вдоль по тихой Годавери
Я пойду полна печали,
И безумной баядерѣ
Будетъ чуждой Дурга-Кали.

3 СЪ КОМЕТЫ.

Помнишь эту пурпурную ночь?
Серебрилась на небѣ земля
И луна, ея старшая дочь.
Были явственно видны во мглѣ
Океаны на свѣтлой землѣ,
Цѣпи горъ, и лѣса, и поля.

И въ тоскѣ мы мечтали съ тобой:
Есть ли *тамъ* и мечта и любовь?
Этотъ міръ серебристо-нѣмой
Ночь за ночью освѣтитъ; потомъ
Будетъ гаснуть на небѣ ночномъ,
И одни мы останемся вновь.

Много есть у пурпурныхъ небесъ, —
О мой другъ, о моя красота, —
И загадокъ, и тайнъ, и чудесъ.
Много мимо проходитъ міровъ,
Но напрасны вопросы вѣковъ:
Есть ли *тамъ* и любовь и мечта?

4. ПРОКАЖЕННЫЙ.

(Рисунокъ тушью).

Прокаженный молился. Дорога
Извивалась по сдвинутымъ скаламъ;
Недалеко чернѣла берлога,
Надвигалися тучи и строго
Вѣтеръ вылъ по кустамъ одичалымъ.

Диссонансомъ угрюмыхъ мелодій
Дальній топотъ вплетался нежданно.
Конь спѣшилъ, конь летѣлъ на свободѣ, —
Былъ ѣздокъ неподвиженъ и странно
Улыбался земной непогодѣ.

Вылетая къ угрюмой берлогѣ,
Шевельнулся онъ будто въ тревогѣ.
Конь всхрапѣлъ, на дыбы приподнялся:
Въ двухъ шагахъ передъ нимъ на дорогѣ
Прокаженнаго трупъ *улыбался*.

5. НА ОСТРОВѢ ПАСХИ.

Лишь только закатъ надъ волнами
Погаснетъ огнемъ запоздалымъ,
Блуждаю одинъ я межъ вами,
Брожу по разсѣченнымъ скаламъ.

И вы въ сторонѣ отъ дороги,
Застывши на каменной грудѣ,
Стоите — недвижны и строги —
Нѣмые громадные люди.

Лица не замѣтно въ туманѣ,
Но взоры горятъ, негодуя,
Шепчу я слова заклинаній,
Молюсь божеству Эатуя.

И полонъ я смутныхъ вопросовъ:
Кто создалъ семью великановъ,
Кто вывелъ людей изъ утесовъ,
Поставилъ ихъ стражей тумановъ?

Блуждаетъ богиня Атоми,
И взоръ ея грустно тревоженъ:
Народъ нашъ уснулъ на соломѣ,
Народъ нашъ и грубъ и ничтоженъ.

Не наши — могучія руки
Поставили васъ надъ скалами!
Съ творцами давно вы въ разлукѣ
И мы воцарились надъ вами...

Но нѣтъ о прошедшемъ преданій.
Безмолвно на каменной грудѣ
Вы спите, семья изваяній,
Нѣмые громадные люди.

Смотря на зеленую воду,
Вы изрѣдка хмурите брови,
Но гнѣвъ вашъ невнятенъ народу,
Забылъ онъ о пролитой крови.

И только когда надъ волнами
Погаснетъ закатъ запоздалый,
Блуждаю одинъ я межъ вами,
Смотрю на боговъ и на скалы.

6. ВЪ СТАРОМЪ ПАРИЖѢ.

Холодная ночь надъ угрюмою Сеной,
Да мѣсяцъ, блестящій въ раздробленной влагѣ,
Да трупъ позабытый, обрызганный пѣной.

Здѣсь слышала стоны, здѣсь видѣла шпаги
Холодная ночь надъ угрюмою Сеной,
Смотрѣла на подвигъ любви и отваги.

И мѣсяцъ, блестящій въ раздробленной влагѣ,
Дрожалъ, какъ боецъ, передъ черной измѣной...
И слышались стоны, и видѣлись шпаги.

Но трупъ позабытый, обрызганный пѣной,
Безмолвенъ, недвиженъ въ рѣчномъ саркофагѣ,
Холодная ночь надъ угрюмою Сеной

Не помнитъ про подвигъ любви и отваги,
И мѣсяцъ, забывъ, какъ дрожалъ предъ измѣной,
Безмолвенъ, недвиженъ въ рѣчномъ саркофагѣ.

1894.

7. ANATOLIO.

Я видѣла въ окно: на маленькой гондолѣ
Онъ уплывалъ отъ стѣнъ монастыря,
И за кормой пурпурная заря
Дрожала въ синевѣ цвѣткомъ желтофіоли.

Какъ плавно, какъ легко, какъ смѣло Анатолій
Скользилъ весломъ по брызгамъ янтаря!
Но всплески волнъ чуть долетали съ воли
И покрывалися напѣвомъ псалтыря.

Я отошла смущенно и тревожно,
Среди подругъ спустилась въ церковь я,
Но жить казалось мнѣ смѣшно и невозможно.

О Господи! да будетъ власть твоя.
Надломлены мечты, но я роптать не въ правѣ...
О сердце! замолчи... Expectans expectavi.

8. ВЪ ПРОШЕДШЕМЪ.

Ты не вѣдала словъ отреченья.
Опустивши задумчивый взоръ,
Словно въ церковь, ты шла на мученья,
Обнаженной забыла позоръ.

Вся полна неизмѣнной печали,
Прислонилась ты молча къ столбу,
И соломой тебя увѣнчали,
И клеймо наложили на лбу.

А потомъ, когда смѣли бичами
Это дѣтское тѣло терзать,
Вся въ крови поднята палачами,
«Я люблю» ты хотѣла сказать.

9. ВЪ БУДУЩЕМЪ.

Я лежалъ въ ароматѣ азалій,
Я дремалъ въ музыкальной тиши,
И скользнуло дыханье печали,
Дуновенье прекрасной души.

Гдѣ-то тамъ, на какой-то планетѣ
Безъ надежды томилася ты,
И ко мнѣ черезъ много столѣтій
Долетѣли больныя мечты.

Уловилъ я созвучныя звуки,
Мнѣ родныя томленья постигъ,
И межъ гранями вѣчной разлуки
Мы душою слилися на мигъ.

1894.

10. ЖРЕЦЪ.

(Бронзовая статуэтка.)

Далекій Сиріусъ, холодный и нѣмой!
Изъ ночи въ ночь надменно
Сверкаешь ты надъ темною землей,
Царишь надъ сонною вселенной.

Владыка Сиріусъ, не внемлющій мольбамъ,
Непобѣдимый мститель!
Предъ алтаремъ безсильный ѳиміамъ
Тебѣ затеплилъ твой служитель.

Тебѣ, о Сиріусъ, о властелинъ лучей,
Я возношу моленья,
И въ шумѣ дня, и въ тишинѣ ночей,
И на ложницѣ наслажденья.

ПОСЛѢДНІЕ ПОЦѢЛУИ

I. ВАУВАУ.

Въ ночной полумглѣ, въ атмосферѣ
Какихъ-то неясныхъ духовъ,
Смотрѣлъ я на синій альковъ,
Мечталъ о лѣсахъ криптомерій.

И вотъ я лежу въ полуснѣ
На мху первобытнаго парка,
И ты, молодая дикарка,
Любовно прижалась ко мнѣ.
Измученъ недавней охотой,
Ласкать я тебя не могу,
А все же съ тобою на мху
Такъ сладко забыться дремотой.

Но чу! что за шелестъ ліанъ?
Опять вауваy проказа?
Нѣтъ, нѣтъ! два блестящіе глаза...
Подруга! мой лукъ! мой колчанъ!

Встревоженный шопотъ: «Валерій,
Ты бредишь. Скажи, что съ тобой?
Мнѣ страшно». Альковъ голубой
Смѣняетъ листву криптомерій.

2. МЕЧТА.

О если бъ я могъ быть невиннымъ какъ ты,
Какъ ты — отзвукъ лазурнаго эхо!
Безпечно видѣть твои черты,
Съ улыбкой слушать колокольчики смѣха.

Цѣлый день мы съ тобой проводили бъ вдвоемъ,
Наслаждаясь запущеннымъ садомъ;
Бѣгали бъ въ темныхъ аллеяхъ — потомъ,
Отдыхать садились бы рядомъ.

Мы были бъ съ тобой двѣ сестры,
Дѣлили бъ грезы, радость, печали,
И если бъ столкнулись во время игры,
Струны желанья во мнѣ бъ не дрожали.

3. VESTALIS VIRGO.

О весталка! фіалка морей!
Блѣдно-юная греза мечтаній!
Это я въ доразсвѣтномъ туманѣ,
Это я у дверей.

Выходи же! иди мнѣ навстрѣчу!
Я томлюся, я жду, я стою, —
Я руками тебя обовью,
Дикимъ хохотомъ встрѣчу.

И мы вздрогнемъ, и мы упадемъ,
И рыдая сплетемся, какъ змѣи,
На холодномъ полу галлереи
Въ полумракѣ больномъ.

Мигъ за мигомъ! Во снѣ истомленномъ
Я нащупаю горло твое,
Я сдавлю его страстно, — и все
Будетъ кончено стономъ.

1895.

4. ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ.

Весь городъ въ серебряномъ блескѣ
Отъ блѣдно-серебряныхъ крышъ, —
А тамъ на твоей занавѣскѣ
Повисла летучая мышь.

Мерцаетъ неслышно лампада,
Чуть видно бѣлѣетъ плечо,
Все небо мнѣ шепчетъ: «не надо»,
Она повторяетъ: «еще!»

Покоренъ губительной власти,
Какъ узникъ брожу близъ оконъ,
Дрожатъ мои руки отъ страсти,
Въ ушахъ моихъ шумъ веретенъ.

Весь городъ въ серебряномъ блескѣ
Отъ блѣдно-серебряныхъ крышъ,
А тамъ, у нея — къ занавѣскѣ
Приникла летучая мышь.

Упавъ на сѣдой подоконникъ,
Не знаю небесныхъ красотъ.
Явись! твой поэтъ и поклонникъ
Измученъ, безсиленъ, зоветъ.

Мерцаетъ неслышно лампада,
Чуть видно бѣлѣетъ плечо,
Все небо лепечетъ: «не надо»,
Чудовище шепчетъ: «еще!»

1895.

5. PRO DOMO SUA.

О нѣтъ, дорогая, печали мои
Не сложатъ, какъ прежде, стиховъ о любви;
Изъ дѣвственной радуги сотканный сонъ
Давно отдаленнымъ напѣвомъ смущенъ.

Спускаются съ горъ и трубятъ трубачи,
Безстыдно по воздуху свищутъ бичи,
Съ мычаньемъ коровъ и со ржаньемъ коней
Смѣшались веселые крики дѣтей.

Я вижу дорогу: по ней безъ числа
Невинныхъ блудницъ распростерты тѣла
Въ блестящихъ браслетахъ, въ гирляндахъ
изъ розъ...
И вотъ подъѣзжаетъ нестройный обозъ.

Мнѣ слышатся дикіе крики; вокругъ,
Срывая гирлянды и корчась отъ мукъ,
Красавицы молятъ, а кости хрустятъ,
И запахомъ крови смѣненъ ароматъ.

На раны безжалостно льются лучи,
Все дальше, все дальше спѣшатъ трубачи,
Опять долетаетъ и ржанье коней,
И звяканье мѣди, и говоръ дѣтей.

Потомъ все смолкаетъ. Я плачу во снѣ,
И ты, дорогая, напрасно ко мнѣ
Прильнула съ улыбкой, — назадъ не зови,
Я больше не знаю стиховъ о любви.

6. СУМАСШЕДШІЙ.

Чтобъ меня не увидѣлъ никто,
На прогулкахъ я прячусь, какъ трусъ,
Приподнявъ воротникъ у пальто
И на брови надвинувъ картузъ.

Я встрѣчаю нагія тѣла,
Посинѣлыя въ рыхломъ снѣгу,
Я минуты убійствъ стерегу
И «спасите» кричу я съ угла.

Я спускаюсь къ рѣкѣ. Подъ мостомъ
Выбираю громадный сугробъ,
И могилу копаю я въ немъ,
И зову въ приготовленный гробъ.

Загорается домъ... и другой...
И весь городъ пылаетъ въ огнѣ,
И любуюсь на блескъ дорогой
Я одинъ въ ледяной тишинѣ.

А потомъ, отряхнувши пальто,
Принадвинувъ картузъ на глаза,
Я бѣгу въ неживые лѣса...
И не гонится сзади никто!

БУДНИ.

I. ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Его любовь — палящій полдень Явы.
Какъ сонъ разлитъ тяжелый ароматъ,
Тамъ ящеры, свернувшися, лежатъ,
Здѣсь по стволамъ свиваются удавы.

И ты вошла въ неумолимый садъ
Для отдыха, для сладостной забавы?
Цвѣты дрожатъ, сильнѣе дышатъ травы,
Чаруетъ все, все выдыхаетъ ядъ.

Иди: *онъ* ждетъ! спѣшите наслаждаться
Подъ тѣнями загадочныхъ вѣтвей
Среди гуявъ и жадныхъ орхидей.

День проскользнетъ. Глаза твои смежатся:
То будетъ смерть. И саваномъ ліанъ
Онъ обовьетъ твой неподвижный станъ.

2. ОДНА.

Нѣтъ мнѣ въ молитвѣ отрады,
Боже мой, какъ я грѣшна!
Даже съ мерцаньемъ лампады
Борется свѣтомъ луна.

Даже и въ дѣвичьей спальнѣ
Помнится дремлющій садъ,
А изъ кіотовъ печальнѣй
Лики святые глядятъ.

Боже, зачѣмъ искушенье
Ты въ красотѣ создаешь!
Въ лунномъ нѣмомъ освѣщеньѣ
Былъ онъ такъ дивно хорошъ.

Тихо склонялися клены,
Съ неба скользнула звѣзда...
Здѣсь передъ свѣтомъ иконы
Вся я дрожу отъ стыда.

Сжалься, отецъ правосудный,
Дай утѣшенье въ тоскѣ...
Въ лунныхъ лучахъ изумрудный
Лугъ опускался къ рѣкѣ.

Шли мы дорожкой... и словно
Я отвѣчала «люблю»...
Боже мой, какъ я грѣховна!
Чѣмъ я свой грѣхъ искуплю!

1893.

3. ОДНА.

Въ этотъ свѣтлый вечеръ мая,
Въ этотъ часъ весеннихъ грезъ,
Матерь Бога пресвятая,
Дай отвѣтъ на мой вопросъ.

Тамъ теперь сгустились тѣни,
Тамъ поднялся ароматъ,
Тамъ онъ ждетъ въ тоскѣ сомнѣній,
Смотритъ въ темень наугадъ.

Поцѣлуи, ласки, рѣчи
И сквозь слезы сладкій смѣхъ...
Неужели эти встрѣчи —
Только сѣти, только грѣхъ?

Въ тусклыхъ дняхъ унылой прозы.
Нежеланнаго труда,
Часъ свиданья видятъ грезы,
Свѣтитъ дальняя звѣзда.

Неужели искру рая
Погасить и встрѣтить ночь?
Матерь Бога пресвятая,
Ты сумѣешь мнѣ помочь!

Ты услышишь, Матерь-Дѣва,
Горькій дѣвичій вопросъ
И отвѣтишь мнѣ безъ гнѣва
Въ этотъ часъ весеннихъ грезъ.

1894.

4. У ОКНА.

Серебро, огни и блестки, —
Цѣлый міръ изъ серебра!
Блещутъ инеемъ березки,
Оголенныя вчера.

Въ этомъ взмахѣ чьей-то грезы
Только призраки и сны,
Всѣ предметы старой прозы
Новизной озарены.

Экипажи, пѣшеходы,
На лазури бѣлый дымъ,
Жизнь людей и жизнь природы
Полны новымъ и святымъ.

Воплощеніе мечтаній,
Всемогущества игра,
Этотъ міръ очарованій,
Этотъ міръ изъ серебра.

5. ТУМАННЫЯ НОЧИ.

Вся дрожа я стою на подъѣздѣ
Передъ дверью, куда я вошла наканунѣ
И въ печальныя строфы слагаются буквы созвѣздій.

О туманныя ночи въ палящемъ іюнѣ!

Тамъ, вотъ тамъ, на закрытой террасѣ
Надо мною склонялись зажженныя очи,
Дорогія черты, искаженныя въ страстной гримасѣ.

О туманныя ночи! туманныя ночи!

Вотъ и тайна земныхъ наслажденій...
Но такой ли ее я ждала наканунѣ!
Я дрожу отъ стыда — я смѣюсь! вы солгали мнѣ, тѣни,

Вы солгали, туманныя ночи въ іюнѣ!

1894.

6. СТАНСЫ.

Одна изъ осужденныхъ жрицъ,
Я наблюдаю изъ кровати
Калейдоскопъ людей и лицъ
И поцѣлуевъ и объятій.

Вся жизнь проходитъ, какъ во снѣ,
Въ больномъ туманѣ опьяненья,
И непонятно больше мнѣ
Святое слово «наслажденье».

И ласки юношей, и грязь
Восторговъ старчески безсильныхъ
Переношу я, не томясь,
Какъ трупъ въ объятіяхъ могильныхъ.

Желаній мигъ не для меня,
И утомляться не могу я:
Даю подобіе огня,
Изображенье поцѣлуя.

И если промелькнувшій сонъ
Напомнитъ годы упованья,
То въ немъ не садъ и не балконъ
Мнѣ снятся, не любви признанья...

Я вижу дѣвочкой себя:
Вотъ спальня, вотъ иконы наши —
И мать склоняется, любя,
Передъ кроваткой дочки Саши.

7. СЕЛО.

Луна въ облакахъ — далека, хороша,
Челнокъ неподвиженъ въ кустахъ камыша.

Дробятся лучи въ неспокойной рѣкѣ,
Задумчиво кто-то сидитъ въ челнокѣ.

Сіяетъ вѣнецъ надъ холодной луной,
Вѣнца не замѣтно во глуби рѣчной.

Въ таинственныхъ даляхъ какъ утромъ свѣтло,
Вблизи за рѣкою чернѣетъ село.

1895.

РАЗДУМЬЯ.

I.

Хорошо одному у окна!
Небо кажется вновь голубымъ,
И для взоровъ обычна луна,
И сплетаетъ опять тишина
Вдохновенье съ раздумьемъ святымъ.

И гирлянду пылающихъ розъ
Я доброшу до тайны міровъ
И по ней погружуся въ хаосъ
Неизвѣданныхъ творческихъ грозъ,
Несказанныхъ мистическихъ словъ.

Эта воля — свободна опять,
Эта мысль — какъ комета вольна!
Все могу уловить, все могу я понять,
И не надо тебя цѣловать,
О мой другъ, у ночного окна.

2.

Облегчи намъ страданія, Боже!
Мы, какъ звѣри, вгнѣздились въ пещеры —
Жестко намъ каменистое ложе,
Душно намъ безъ лучей и безъ вѣры.

Самоцвѣтные камни блистаютъ,
Вдаль уходятъ колоннъ вереницы,
А кругомъ изъ щелей выползаютъ
Саламандры, ужи и мокрицы.

Наши язвы наполнены гноемъ,
Наше тѣло на падаль похоже —
О, простри надъ могильнымъ покоемъ
Покрывало забвенія, Боже!

3.

Тонкой, но частою сѣткой
Завтрашній день отдѣленъ.
Міръ такъ ничтоженъ, и рѣдко
Виденъ намъ весь небосклонъ.

Въ страхѣ оглянешся — тѣни,
Призраки, голосъ «иди!»...
Гнутся невольно колѣни,
Плещутъ молитвы въ груди.

Плакать и биться устанешь;
Въ сердцѣ скрывая укоръ,
На небо черное взглянешь...
Съ неба скользнетъ метеоръ.

4.

Въ сіяющемъ изысканномъ вертепѣ
Подъ музыку, манившую канканъ,
Я задремалъ, склонившись на диванъ,
И явственно себя увидѣлъ въ склепѣ.

До потолка стоялъ сырой туманъ,
Въ окно неслось благоуханье степи.
Я встать хотѣлъ — мѣшала боль отъ ранъ,
И на ногахъ задребезжали цѣпи.

И что-то вдругъ такъ ясно стало мнѣ,
Что горько я заплакалъ въ полуснѣ,
Что плакалъ я, смущенно просыпаясь.

Опять звучитъ веселая рояль,
Мой странный сонъ блѣднѣетъ, расплываясь,
Но мнѣ еще — кого-то — смутно — жаль...

5.

Скала на скалѣ; безмолвіе пустыни;
Тоска вѣтровъ, и раскаленный сплинъ.
Высокъ утесъ, гдѣ посреди картинъ
Еще видны два образа святыни.

То — демоны въ объятіяхъ. Одинъ
Исполненъ силъ, съ осанкою гордыни;
Другой въ слезахъ и съ признакомъ сѣдинъ.
Внизу стихи, не стертые донынѣ:

«Добро и зло — два брата и друзья.
Ихъ путь одинъ, ихъ жребій одинаковъ».
Безмолвенъ смыслъ клинообразныхъ знаковъ.

Звенятъ порой признанья соловья,
Приходитъ тигръ къ подножію утеса;
Скала молчитъ. Отвѣтамъ нѣтъ вопроса.

6.

Послѣ ночи безсонной,
Послѣ тягостныхъ думъ
Страненъ звонъ отдаленный,
Гармоническій шумъ.

Полутьма не рѣдѣетъ,
И декабрьская ночь
Словно медлитъ, не смѣетъ
Отодвинуться прочь.

Темень думъ безъ просвѣта,
И въ туманѣ судьбы
Я не знаю отвѣта
На больныя мольбы.

Все грядущее грозно,
Въ настоящемъ темно,
Безпощадное «поздно»
Прозвучало давно.

Эти слезы невольны:
Это — стоны души...
А призывъ колокольный
Вырастаетъ въ тиши.

1895.

7.

Свиваются блѣдныя тѣни
Видѣнія ночи беззвѣздной,
И молча надъ вѣчною бездной
Качаются наши ступени.

Друзья, мы спустились до края,
Стоимъ надъ открытою бездной —
Мы, путники ночи беззвѣздной,
Искатели смутнаго рая.

Мы вѣрили нашей дорогѣ,
Намъ видѣлись отблески рая...
И вотъ — неподвижны — у края
Стоимъ мы въ стыдѣ и тревогѣ.

Невѣрное только движенье,
Хоть шагъ по завѣтной дорогѣ —
И нѣтъ ни стыда, ни тревоги,
И вѣчно, и вѣчно паденье.

Качается лѣстница тише,
Мерцаетъ звѣзда на мгновенье,
И слышится голосъ спасенья —
Откуда-то издали... свыше!

СТИХИ О ЛЮБВИ.

Я больше не знаю стиховъ о любви.
Стр. 32.

Ноябрь 1895 г.

Глупое сердце, о чемъ же печалиться!
Встрѣтясь, шутили, шутя цѣловалися,
Гордой побѣдой она не похвалится,
Въ памяти счастья минуты остались —
Глупое сердце, о чемъ же печалиться?

Тянется поле безмолвное, снѣжное,
Дремлютъ березки въ безжизненномъ инеѣ,
Небо нависло — уныло-безбрежное,
Странно неясное, сѣрое, синее,
Замерло, умерло, будто-бы снѣжное...

Глупое сердце! о чемъ же печалиться!

18-го н.

2. ПОЦѢЛУИ.

Здѣсь, въ гостиной полутемной,
Подъ навѣсомъ кисеи
Такъ заманчивы и скромны
Поцѣлуи безъ любви.

Это камень въ пѣнномъ морѣ,
Голый камень на волнахъ,
Надъ которымъ свѣтятъ зори
Въ лучезарныхъ небесахъ.

Это спящая принцесса,
Съ ожиданьемъ на лицѣ,
Посреди глухого лѣса
Въ очарованномъ дворцѣ.

Это блѣдный ангелъ счастья,
Чуждый мелочныхъ заботъ,
Что̀ съ улыбкою участья
Передъ смертью предстаетъ.

Здѣсь, въ гостиной полутемной,
Блещутъ складки кисеи,
И такъ чисты, и такъ скромны
Поцѣлуи безъ любви.

3. УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА.

Мы встанемъ съ тобой при свѣчахъ,
Дитя мое!
Мы встанемъ съ тобой при свѣчахъ,
Дитя мое!

На черно безжизненный садъ
Изъ вышины
Послѣднія звѣзды глядятъ
И серпъ луны.

Еще не разсѣялась мгла,
И солнца нѣтъ,
Но чара ночей отошла
И брезжитъ свѣтъ.

Въ томленіи ждемъ мы, когда
Лучи свои
Торжественно броситъ звѣзда,
Звѣзда Любви.

Но все неизмѣнно вокругъ,
Дитя мое!
О плачь же со мною, мой другъ,
Дитя мое!

12-го н.

4. ВО МГЛѢ.

Страстно, въ безумномъ порывѣ ко мнѣ ты
прижалась,
Страстно...
Черная мгла колыхалась
Безучастно.

Что-то хотѣлось сказать мнѣ святое, святое...
Тщетно!
Сердце молчало въ покоѣ
Безотвѣтно.

Мягкія груди сильнѣй и сильнѣй прижимались,
Жадно —
Тѣни во мракѣ смѣялись
Безпощадно.

17-го н.

ПОЭМЫ.

IL BACIO.

(Motto.)

Мы знаемъ завѣтную ласку,
Завѣтную ласку людей,
Въ нее мы не вѣримъ, какъ въ сказку,
И служимъ до гроба мы ей.

...И тотъ, кто уловитъ однажды,
Нездѣшнюю власть чистоты,
Ничѣмъ не обманетъ онъ жажды
Своей озаренной мечты.

Онъ будетъ блуждать и томиться,
Искать отраженій во мглѣ,
И прошлому свѣту молиться,
И жить неземнымъ на землѣ.

Но въ чувственно блѣдномъ туманѣ
Мечтамъ повторенія нѣтъ,
И только за гранью желаній
Мы встрѣтимъ желанный отвѣтъ.

1895.

ИДЕАЛЪ.

Они повстрѣчались въ магическій часъ.
Былъ вечеръ лазурнымъ и западъ погасъ,
И блѣдныя тѣни надъ полемъ и лѣсомъ
Ложились, сгущались ажурнымъ навѣсомъ.
На ласковомъ фонѣ весеннихъ тѣней
Мечтатель-безумецъ онъ встрѣтился *съ ней*.

И первая встрѣча шепнула имъ много.
Какъ ландышъ на сердцѣ проснулась тревога,
Мелькнула, скользнула за тонкимъ стекломъ
Пурпурная бабочка легкимъ крыломъ,
Измученный лотосъ коснулся до влаги
И, тайные, вдаль побѣжали зигзаги.

Вся жизнь озарилась огнями съ тѣхъ поръ.
Какъ будто на небѣ застылъ метеоръ,
Какъ будто бы міръ задрожалъ отъ мелодій,

И сонъ ароматный разлился въ природѣ.
Но мигомъ свиданья, какъ утро чисты,
Не смѣли они опозорить мечты.

И мальчикъ-поэтъ и ребенокъ-Марія,
Мечтая и грезя въ часы голубые,
Не знали желаній, смущающихъ умъ.
Въ небесной прозрачности дѣвственныхъ думъ
Дрожали псалмы и улыбки растеній,
Носились, томились безплотныя тѣни.

И дивное счастье повѣдалъ имъ Богъ.
Вдали отъ людей, далеко отъ тревогъ
Въ молчаньѣ лѣсномъ, преисполненномъ
тайной
Другъ съ другомъ они повстрѣчались случайно.
Такъ въ старой бесѣдкѣ игрой вѣтерка
Другъ съ другомъ сплетаются два лепестка.

И точно друзья послѣ долгой разлуки,
Они протянули увѣренно руки,
И все, о чемъ каждый мечталъ самъ съ собой,
Другой угадалъ вдохновенной душой.

И были ненужны ни ласки, ни рѣчи
При этой короткой ритмической встрѣчѣ.

То былъ мотылекъ, пилигримъ вечеровъ,
Который подслушалъ прощанье безъ словъ,
То было смущенное облачко мая,
Которое въ дали лазоревой тая,
Поймало румянецъ склоненныхъ лилей,
Улыбку надъ лепетомъ свѣтлыхъ кудрей.

И ярче горѣло свѣтило земное,
Полнѣй на куртинахъ дышало левкое,
Шепталъ ароматнѣй загадочный садъ,
Когда возвращалась Марія назадъ,
Когда въ ея сердцѣ туманныя розы
Роняли надъ глубью росистыя слезы.

И милостивъ былъ къ нимъ Создатель во всемъ.
День встрѣчи остался послѣднимъ ихъ днемъ,
Пылающимъ вѣчно, какъ Божья лампада,
Кристальнымъ и чистымъ, какъ брызги каскада;
Въ гирлянду его — навсегда, навсегда —
Вплелись незабудки, сирень, резеда.

И въ вѣчности счастіе ихъ неизмѣнно, —
Они не встрѣчались и въ жизни блаженной.
Два свѣтлые ангела вѣчно они
Хранили въ душѣ серебристые дни,
И память о жизни, о горестной жизни,
Была ихъ наградой въ небесной отчизнѣ.

1894.

И СНОВА...

(Октавы.)

Не полная луна, а новолунія
заставляютъ меня томиться.

1.

И снова день въ томительномъ іюнѣ,
Воскресшій день съ воскресшею луной.
Въ нѣмые дни безсвязныхъ новолуній
Томлюся я тревогою больной,
Мнѣ чуждо все, что звало наканунѣ,
Какъ призракъ, ночь летаетъ надо мной
И, властная, напѣвами заклятій
Зоветъ меня для мерзостныхъ объятій.

2.

И чуть лучи погаснутъ вдалекѣ,
Едва луна откинутымъ обрѣзкомъ
Мелькнетъ межъ звѣздъ, — въ мистической
тоскѣ

Любуюсь я неодолимымъ блескомъ,
Покинувъ домъ, спускаюся къ рѣкѣ,
Ищу свой путь по страннымъ арабескамъ,
Начертаннымъ листвою на землѣ,
Иду, иду — и не собьюсь во мглѣ.

3.

И образы слетаются изъ дали,
И новый міръ виднѣется яснѣй,
Туманный міръ тускнѣющихъ эмалей,
Міръ контуровъ и спутанныхъ тѣней.
И въ этотъ міръ беззвучныхъ вакханалій
Вхожу я самъ — и тамъ встрѣчаюсь *съ ней,*
Съ моей мечтой, съ безжалостной царицей,
Таинственной, какъ стоны подъ гробницей.

4.

Ея глаза — закрытые цвѣты,
Ея уста — что́ губы сонныхъ ламій,
И грудь ея — невнятной красоты,
И странный блескъ играетъ волосами.
Какъ тайный склепъ, навѣсы темноты
Безжизненно спускаются надъ нами,

И какъ напѣвъ далекихъ похоронъ,
Ея мольба, ея отвѣтный стонъ.

5.

О, страшный мигъ невыразимой страсти,
Холодный ядъ впивающихся губъ
И смутный звонъ колеблимыхъ запястій!
Но тамъ, въ горахъ, съ уступа на уступъ
Идетъ заря — и нѣтъ у ночи власти
Кругомъ свѣтло, въ моихъ объятьяхъ трупъ...
Отпрянувши, смотрю въ безумной дрожи,
Какъ синева расходится по кожѣ.

6.

И я бѣгу, и долженъ я бѣжать;
Помѣшаннымъ я дохожу до сада.
Блѣдна рѣки подернутая гладь,
Но ждутъ цвѣты и носится прохлада.
Какая тишь! какая благодать!
Моя душа зарей дышать такъ рада —
Свой ѳиміамъ, я строфы ей несу,
И какъ свѣтлякъ, пью раннюю росу.

1895.

СНѢГА.

(Терцины.)

Луны холодные рога
Струятъ мерцанье голубое
На неподвижные луга;

Деревья-призраки — въ покоѣ;
Молчитъ рѣка во власти льда;
На всей землѣ не спимъ мы двое.

Увы, Марія, навсегда
Погасли зори золотыя,
Любовь скатилась, какъ звѣзда.

Скажи зачѣмъ, какъ въ дни былые,
Сошлися мы? Мы въ тайнѣ сна?
Скажи, мы призраки, Марія?

Съ высотъ мерцанье льетъ луна,
По снѣгу вдаль уходятъ тѣни,
Отвѣтъ вопросамъ тишина.

Скажи, ты помнишь день осенній?
Ты трепетала, ты ждала
Съ туманнымъ взоромъ наслажденій;

И дикой страсти два крыла
Умчали насъ подъ сѣнь желаній...
Но страсть, какъ роза, умерла.

Идемъ мы въ таинствѣ мерцаній;
Съ высотъ луна роняетъ свѣтъ,
Свѣтъ голубыхъ очарованій.

Ни звука. Тишина въ отвѣтъ.
Въ душѣ мелькаетъ противъ воли
Полузабытый силуэтъ.

Ты помнишь, мы, блуждая въ полѣ,
Въ палящій лѣтній день сплели
Вѣнокъ со звѣздами магнолій.

И ложемъ былъ коверъ земли,
И лугъ казался тайнымъ садомъ,
И не любить мы не могли.

Ты помнишь? Голубымъ каскадомъ
Луна струитъ лучи свои,
И мы скользимъ въ молчаньи рядомъ.

А этотъ день, когда, струи
Весломъ безшумнымъ разсѣкая,
Я направлялъ полетъ ладьи?

Скажи, ты помнишь, дорогая?
Невозвратимый день весны,
Огни любви въ дыханьи мая?

Увлечены и смущены, —
Струна любви въ созвучномъ хорѣ —
Подъ звукъ восторженной волны

Съ тобой мы мчались прямо въ море,
И забывали берега
Въ его чарующемъ просторѣ.

Блистаютъ, искрятся снѣга,
Струятъ съ высотъ потокъ мерцаній
Луны холодные рога.

О часъ блѣднѣющихъ признаній,
Невинныхъ грезъ мелькнувшій часъ,
Святыня всѣхъ воспоминаній!

О говори! улыбкой глазъ
Верни, чему ужъ нѣтъ возврата,
Тотъ свѣтъ, который ужъ погасъ.

Онъ мной забытъ во мглѣ разврата,
Но ты, его напомнивъ мнѣ,
Зачѣмъ молчишь на стоны брата!

Зову, молю — и въ тишинѣ
Застыли звуки. Въ дрожи страстной
Смотрю: на снѣжной пеленѣ

Моя лишь тѣнь ложится ясно;
Стою одинъ, какъ въ тайнѣ сна,
Въ молчаньи ночи безучастной.

Вокругъ пуста и холодна
Лазурная равнина снѣга,
Свое мерцанье льетъ луна,

На вышинѣ сверкаетъ Вега.

ТРИ СВИДАНІЯ.

I.

Черное море головъ колыхается,
Какъ живое чудовище,
Съ проходящими блестками
Красныхъ шапочекъ,
Голубенькихъ шарфовъ,
Эполетовъ ярко-серебряныхъ,
Живетъ, колыхается.

Какъ хорошо намъ отсюда,
Откуда-то сверху — высóко, высóко —
Съ тобою смотрѣть на толпу.
Чудная рама свиданій!
Залитъ пассажъ электрическимъ свѣтомъ,
Звуки оркестра доносятся,
Старыя рѣчи любви
Къ сердцу изъ сердца восторженно просятся.
Милая, нѣтъ, я не лгу, говоря, что люблю я тебя.

II.

Въ зеркалѣ смутно удвоены
(Словно мило невѣрныя риѳмы)
Свѣчи уже догораютъ.
Все на столѣ въ безпорядкѣ:
Рюмки, бутылки, тарелки...
Длинная зимняя ночь
Не удаляется прочь,
Мракъ намъ въ окно улыбается.

Вотъ онъ трепетъ любви, о которомъ
Столько разъ я твердилъ въ тріолетахъ,
Вотъ онѣ — «сладкія слезы ночей».
Не плачь, дорогая! Улыбнись,
Улыбнись, какъ недавно,
Когда ты хотѣла что-то сказать
И вдругъ, покраснѣвши, смущенная,
Спряталась мнѣ на плечо.
Отдаваясь минутѣ банально прекрасной,
Я кудри твои цѣловалъ горячо,
Я смѣялся, смѣялась и ты, повторяя
«Гадкій, гадкій!»

III.

Холодъ ранней весны;
Темная даль съ огоньками;
Сзади — свѣтъ, голоса; впереди —
Путь во мракъ убѣгающій.
Тихо мы идемъ по платформѣ.
Холодъ вокругъ и холодъ въ душѣ.
«Милый ты меня поцѣлуешь?»
И близко
Видятся глазки за тѣнью слезинокъ.

Воздухъ разрѣзанъ свисткомъ.
Послѣдній топотъ и шумъ...
«Прощай же» — и плачетъ, и плачетъ
Какъ въ послѣдней сценѣ романа.
Тронулось... ѣдутъ... одинъ...
Тѣни проносятся въ сердцѣ какъ тѣни;
Грезы, спускаясь, проходятъ ступени;
Падаютъ звѣзды; весна
Холодомъ дышитъ...
Навѣки...

КОММЕНТАРІИ.

КОММЕНТАРІИ.

Криптомеріи (стр. 9) — названіе растеній, свойственныхъ тропической части восточной Азіи.

На журчащей Годавери (стр. 12). Индусскія женщины гадаютъ о любви, пуская по теченію рѣкъ листья банана съ положенными на нихъ цвѣтами. Если листъ опрокинется, это предвѣщаетъ несчастіе.

На островѣ Пасхи (стр. 16). Островъ, названный такъ въ 1722 г. Яковомъ Роггевейномъ, лежитъ въ восточной части Полинезіи На немъ встрѣчаются гигантскія статуи (вѣрнѣе, бюсты), высѣченныя изъ цѣлаго камня, впрочемъ, довольно грубо. Судя по всему, онѣ не могли быть воздвигнуты тѣми безпомощными дикарями, которыхъ засталъ на островѣ Роггевейнъ. Остается предположить, что это памятники народа, совершенно исчезнувшаго.

Anatolio (стр. 19). Expectans expectavi... начало католической молитвы.

Ваувау (стр. 25).— явайское названіе обезьяны оа (Hylobates leuciscus) изъ рода гиббоновъ.

Предчувствіе (стр. 37). Гуява, иначе ямбуза, растеніе изъ семейства миртовыхъ; орхидеи — растенія общеизвѣстныя; ящеры — зд. Dracones volantes (крылатыя ящерицы изъ семейства dendrophileae, для которыхъ Ява — родина).

Октавы (стр. 75). Ламіи, по представленіямъ древнихъ, существа въ родѣ нашихъ вѣдьмъ, но обладающія молодостью.

Терцины (стр. 78). Вега — извѣстная звѣзда (α созвѣздія Лиры).

Въ первомъ изданіи было помѣщено еще два стихотвоенія «Фантомъ» (стр. 45), «Къ скамьѣ у мраморной цистерны» (стр. 60—61) и поэма «Осенній день (стр. 11—19). Послѣдняя будетъ перепечатана въ Iuvenilia, къ которымъ относится и по стиху и по обработкѣ темы. Въ предисловіе къ 1 изд. входило изложеніе моихъ взглядовъ на поэзію, что теперь выпущено, потому что въ недалекомъ будущемъ я думаю издать отдѣльное изслѣдованіе по эстетикѣ.

Nota. Хронологическія даты поставлены только подъ тѣми пьесами, которыхъ не было въ 1 изд.

Печатаніе окончено въ мартѣ 1896 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
Предисловіе ко 2 изд.	8
Криптомеріи 1—10	11
Послѣдніе поцѣлуи 1—6	25
Будни 1—7	37
Раздумья (Méditations) 1—7	49
Стихи о любви 1—4	61
Поэмы (Motto. Идеалъ. И снова... Снѣга. Три свиданія).	69
Комментаріи	89

PG
3453
B7C5
1896

Briusov, Valerii IAkovlevich
Chefs d'oeuvre

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY